

Путешествие к матери заняло у Чана пару недель. Попутный ветер и хорошие дороги сильно облегчили его путь. А как только он вступил на земли Народа Огня, сразу почувствовал странное тепло в душе. Он дома. Десятки островов, возникшие в давние времена в тех местах, где то и дело из глубин Великого Океана вырывалась горячая магма манили его очень давно. Сейчас, в небольшом порту, он только-только осознал, насколько скучал по своей родине. Насколько тяжело ему было на чужбине, несмотря на то, что он сам приказал себе не думать о доме. Как он скучал по высоким горам и потухшим вулканам. Горным лесам и плодородным полям с вулканической почвой. Скалистым берегам и золотым пляжам его родины. Юному принцу словно стало легче дышать. С приподнятым настроением, он направился к ближайшей почтовой станции, где и сел на повозку до города Хира'а, где его дожидалась мама.

Вообще, не очень правильно назвать Хира'а городом. Скорее, это родовое владение, состоящее из нескольких расположенных очень близко друг к другу деревень. Впрочем, уже очень давно жители соседних населенных пунктов называли все владение именно Хира'а. Считают, что когда-то здесь жила драконица Хира, истинная хозяйка этих мест. С ее позволения, первые жители поселились в плодородной равнине между высокими скалами. Долгие века драконица помогала местным жителям, отпугивая хищников и воинов других племен, что желали захватить плодородную равнину. В обмен, драконица получала мясо коровы-бегемота, которое очень любила.

Ей вполне хватало одной туши в месяц, поскольку основой ее рациона были, как правило, драконьи лоси, что когда-то водились в окрестных лесах. За благосклонность, местные жители называли драконицу не Хира, а Хира'а. Этим они подчеркивали свое уважительное отношение, ибо в древности, частица «'а» добавлялась к именам лишь самых уважаемых членов племен. Но затем драконица покинула пещеры в окрестных скалах и ушла. В память о ней, местные жители называли эту местность Хира'а.

Путь до владения занял у Чана всего несколько дней. Ведь в землях Народа Огня уже достаточно давно все главные дороги были вымощены каменными плитами, что в разы увеличивало скорость передвижения. И вот, на третий день от своего прибытия в порт, принц Чан Мин вошел в Хира'а. Спустившись с повозки, принц в первую очередь решил узнать, где и под каким именем проживает его мать. Осторожный расспрос показал, что его мать не особо и скрывалась, и люди называли ее не иначе, как молодая госпожа. Люди прекрасно помнили красивую и добрую внучку Аватара Року и дочь местного городского головы. Впрочем, если до нее еще не добрались люди Озая, то и бояться ей было нечего. Ведь Чан прекрасно помнил, что отец не собирался ее преследовать, а о тайне смерти Азулона знают лишь члены королевской семьи.

С помощью одного местного парнишки, Чан довольно быстро нашел поместье городского головы Жинзука, ныне покойного, где собственно и проживала его мать. Ему открыл старый привратник, учтиво поклонился, поинтересовался личностью визитера и целью визита. Надо сказать, что, к его чести, старый привратник очень быстро оправился от шока, случившегося в тот момент, когда юный мечник с пронзительными янтарными глазами, в простом, но добротном черно-красном халате представился ему. Он глубоко поклонился принцу, выказав этим уважение лицу, стоявшему на несколько позиций выше его в иерархии страны. А затем проводил внутрь. Поместье произвело на Чана приятное впечатление. Небольшое двухэтажное деревянное здание, с красивым садом и небольшой бамбуковой рощей. Зайдя в парадные покои, Чан заметил насколько аскетично, но в то же время, добротно была обставлена комната для гостей. На полу были постелены татами из бамбука и рисовой соломы.

Посередине комнаты стоял небольшой столик, на который обычно выставлялся чайный сервиз. В восточном углу комнаты стояла бронзовая статуя Агни, дабы гости могли преподнести все

нужные почести в случае надобности. И... все. Комната была обставлена в традиционном стиле северных племен Народа Огня, к которым принадлежали не только жители Хира'а, но и, собственно, Аватар Року. Северянам была чужда помпезность и вычурность жителей столицы или привычка южан строить легкие, даже воздушные дома из бамбука и бумаги. И хотя дома в Хира'а тоже нельзя было назвать основательными, такими, как строили в Царстве Земли, но они явно были потеплее.

Не успел Чан снять свой меч и положить на специальную подставку, как в комнату почти что вбежала Урса. «А она почти не изменилась» — пронеслось в уме у принца. На пороге стояла красивая женщина с аристократически бледным лицом, в черном платье с красной окантовкой и золотым поясом. Ее золотые глаза встретились с янтарными глазами Чана, и в них было столько любви и радости, что у вечно прагматичного принца быстрее забилося сердце.

— Чан... сынок, — почти шепотом произнесла Урса и, наплевав на то, что старый привратник и две служанки стояли за тонкой раздвижной бумажной дверью, обняла и расцеловала своего старшего сына. Сам Чан крепко обнял мать и зарылся в ее ухоженные черные волосы. Как же он по ней скучал. Осознание этого было словно ушат холодной воды. Что он забыл на чужбине? Почему оставил мать с ее демонами одну? А мелкие? Что же с ними? Ведь уже около года они не отвечают на его письма.

С видимой неохотой оторвавшись от Чана, Урса повела его во внутренние комнаты поместья. Заведя его в место, которое можно было назвать гостиной для своих, Урса усадила Чана на мягкий мат с шелковыми подушками и сама уселась рядом с ним, вновь обняв, и попросила рассказать о его путешествии. Чан начал свой рассказ. С каждым словом он все больше и больше успокаивался, делясь с матерью своими впечатлениями от путешествий по Царству Земли, умолчав о самых кровавых подробностях и о крушении корабля. Он словно разгружал со своего сердца мешок камней, что давил его последние несколько месяцев. Пока он говорил, служанка внесла чайный сервиз с уже разогретым чаем и засахаренными фруктами. И вот, через полчаса непрерывного разговора, Чан спросил мать.

— А ты... что происходило эти два года с тобой, мама? — спросил Чан, вглядываясь в лицо матери. Радостная и счастливая Урса загрустила и слегка опустила голову.

— Со мной? Много чего, — Урса, глубоко вздохнув, посмотрела Чану прямо в глаза. — Когда я ушла из дворца, я была разбита. Я хотела... забыть... забыть то время, что провела в столице. Слишком много горя я пережила там, — Урса с трудом выговаривала слова, словно ей было невыносимо стыдно перед старшим сыном. — Потом я вернулась сюда, но родители были уже мертвы. Тогда я вовсе захотела... умереть. Просто... уйти в мир духов, чтобы злоба и несправедливость этого мира не мучили меня, — проговорила Урса, опустив голову и всем своим видом показывая, насколько она сожалеет о своих тогдашних мыслях. Сам Чан был в, мягко говоря, шоке. Он и не предполагал, что его матери было так плохо.

— Но... ты это преодолела. Да ведь? — неуверенно спросил принц у матери. Урса лишь покачала головой и сказала.

— Недалеко отсюда есть долина. Старожилы называют ее Долиной Забвения. Говорят, там живет могущественный дух, который способен дарить новые лица добравшимся до него людям. Я нашла человека, который отважился отправиться со мной к нему, — сказала Урса, а у Чана отвисла челюсть. — В пути нас нагнал драконий сокол и принес твое первое письмо. Тогда я попросила сопровождающего меня человека сделать привал, — Урса замолчала, грустно улыбнулась и провела рукою о покрытую легкой щетиной щеку Чана. — Твое письмо остановило меня. Я ведь... я ведь думала, что никому больше не нужна, — она опустила руку. —

Я забыла, что мои дети нуждаются во мне ничуть ни меньше, чем я нуждаюсь в них, проявила слабость. Слабость, непозволительную для матери. Особенно, для матери таких замечательных детей как вы, — Урса вновь опустила голову и покаянно произнесла. — Надеюсь, когда-нибудь вы простите мою слабость.

Чан сидел и молчал. А что говорить? Ведь какие бы слова он не произносил, Урса ни за что не простит себя, ибо считает именно себя виновной во всех бедах, что свалились на головы своих детей. Поэтому он просто обнял ее. Обнял нежно, но крепко, давая ей всю свою любовь и поддержку. Поцеловал ее в лоб и прижал к своей груди. Он ни в чем ее не винил, ибо знал, как тяжело было ей последние годы во дворце, полном завистливых и подлых людей. Рядом со стремительно меняющимся к худшему отцом. Рядом с властным и суровым Азулоном. К тому же, возможно еще из прошлой жизни в нем сидела уверенность в том, что родителей не выбирают. Они просто есть. Они всегда рядом. А мама... нет таких слов, которые могли бы полностью описать то, что значит для нас мама. Просто, самый близкий и самый главный человек в нашей жизни.

Так и сидели мать и сын, пока одна из служанок, из-за задвинутой двери, не сообщила им, что стол уже накрыт. Заметно успокоившаяся, Урса повела своего сына в обеденный зал, где на столе уже стояло большое блюдо с лапшой с мясом коровы-бегемота, вареная рыба и тофу с рисом. Напряжение и грусть оставили Урсу, и теперь она, как и любая мать после продолжительной разлуки, хотела закормить Чана до потери пульса. После третьей пиалы с лапшой, Чан в ультимативной форме отказался есть еще.

— Но Чан, сейчас принесут моти. Ты же любишь моти! — возмутилась Урса, хотя и делала это больше для вида, потому что понимала, что в Чана больше просто не влезет.

Вечер они провели на веранде, рассказывая о произошедшем в последние два года, вспоминая жизнь во дворце и любясь закатом, а затем и звездным небом. Оказывается Урса прекрасно знала о хулиганствах Чана, из-за чего приставила к нему парочку неприметных личностей, что вечно страховали принца в его вылазках по городу.

— А... почему ты мне не запретила? — задал принц животрепещущий вопрос.

— А ты бы усидел на месте? — вопросом на вопрос ответила Урса. — Ты бы опять удрал в город к своим друзьям. На тебя розги не действовали, разве бы ты меня послушал? — насмешливо выгнув бровь, спросила Урса. — Вот и пришлось нанимать парочку шпионов, чтобы они тебя страховали. К тому же, это ведь опыт, — как что-то само собой разумеющееся, ответила Урса. Чан лишь пристыженно пожал плечами. Как же много он оказывается не знает.

— Мама, никто не допустит непокорителя до трона. Зуко будет неплохим Хозяином Огня, я в этом уверен, — сказал Чан и заметил, что его мать вновь погрустнела.

— Зуко прям, как палка. Упрям и несдержан. Да, конечно, это из-за возраста. Я еще помню, как он мастерски выклянчивал сладости у придворных дам, — на минуту улыбнулась Урса, вспоминая своего среднего сына, но, вздохнув, вновь загрустила. — Но двор никогда не меняется. Он ломает людей. Заставляет их подстраиваться. А когда во главе стоит такой человек как нынешний Озай... — Урса вновь вздохнула и замолчала. Чан прекрасно понял мысль, которую подразумевала его мать. — Он ведь не был таким. Я помню, когда мы поженились, он был строг, угрюм и желчен. Словно думал... нет... знал, что за его спиной все смеются над ним.

Но после свадьбы он медленно стал оттаивать, а когда ты родился, Озай стал совсем другим.

Добрый, заботливым. Словно дракон у кладки яиц. И таким он оставался очень долго. Что-то вновь стало меняться в нем, когда тебе было десять, и на этот раз все стало еще хуже, — сказала Урса и посмотрела в звездное небо. Чан же пытался сообразить, что же такое случилось в жизни отца, столь радикально повлиявшее на него. Правда, на ум ничего не приходило. Что-то он упускал, что-то очень важное...

Увы, но ни в тот день, ни в последующие, ничего не приходило на ум молодого принца. В конце концов он оставил бесплодные размышления и полностью отдался отдыху. Конечно, во владении сразу же узнали, что у молодой хозяйки появился гость. Официально к ней приехал дальний родственник со стороны матери. Соккрытие истинного статуса принца позволило ему легко сойтись с местными молодыми парнями, которым он представился Мином из Ю Дао. Довольно часто они уходили вместе в горные леса, где водилось не только много дичи, но и немало хищников, среди которых самыми опасными были броненосные тигры. Особенно досаждал местным крестьянам один молодой тигр, настолько обнаглевший, что без страха приходил на фермы и утаскивал с них скот. Уже который год егеря и охотники, что местные, что приезжие пытались поймать или убить этого зверя, но каждый раз терпели неудачу. Именно он и стал главной целью Чана и дюжины молодцов.

К ним присоединился сын нынешнего городского головы, покоритель по имени Чит Сэнг, который был самым старшим в этой разношерстной компании и, конечно же, сразу стал показывать кто главный. И, естественно, он решил набрать очки в глазах местных, задирая приезжего Чана. И хоть и был Чит Сэнг на голову выше и явно здоровее принца, но владение ци полностью уравнило их шансы. После нескольких драк, во время которых Сэнг даже использовал покорение, между парнями установилось шаткое равновесие. Чит Сэнг перестал донимать принца, а Чан признал его лидерство. Свидетели потасовки увидели, что гость молодой госпожи точно не из робкого десятка, раз уж смог в открытую противостоять тренированному покорителю. Впрочем, для человека, который все детство тренировался с покорителями огня, закончить бой с нужным результатом задача нетрудная. Чан просто не желал выделяться, демонстрируя свои истинные способности. Он вполне мог победить и опозорить наглого нувориша, но решил, что игра не стоит свеч.

И вот, после очередного нападения тигра, они направились в путь. Четырнадцать молодых охотников выслеживали тигра в течение нескольких дней, пока наконец один из них, что был потомственным егерем, не наткнулся на его свежие следы в одной из бамбуковых рощ. Разделившись на тройки, молодые охотники стали обследовать место, где вероятнее всего и находился тигр. Тройка Чана, вооруженная несколькими крепкими копьями с кованными наконечниками, поднимались вверх по берегу небольшого ручейка.

Следы, оставленные тигром в сырой почве явно указывали, по какому направлению двигаться. Тройки держали связь между собой с помощью драконьих соколов. Несколько раз им удавалось нагнать его и даже окружить, с помощью огня загоняя его в нужные им места. Но всякий раз хозяин здешних гор и лесов прорывался из кольца охотников, не позволяя им нанести даже царапины. К вечеру охотники собрались вместе, чтобы определить, куда мог уйти этот тигр. Ближе всех к ним находилась небольшая пещера, где скорее всего и остановился броненосный тигр. Устроившись на привал и определив дежурных, охотники отправились спать.

В тот день Чан заступил на дежурство во вторую половину ночи. Всего ничего оставалось до «волчьего часа», самого темного времени ночи. Небеса были полны звезд, что складывались в причудливые узоры созвездий и скоплений. В костре трещали дрова, из леса доносилось пиликанье кузнечиков и стрекот сверчков. Легкий ветерок играл с кронами высоких деревьев, откуда доносился тихий шелест крыльев. Все это складывалось в ночную симфонию ночного леса, смертельно опасного, но бесконечно прекрасного. В конце концов, Чан Мин, несмотря на

то, что постоянно боролся со сном, закрыл глаза и открыл... в другом месте.

В полном изумлении Чан встал и осмотрел себя. Его тело приобрело легкое синеватое свечение. В руках из вещей оставалось только охотничье копьё. Мир вокруг оказался словно поддержан серой дымкой. Его однокашники продолжали мирно спать, даже не осознавая, что один из них исчез.

— Эй! Ребята! Лю? Пинг? Хуатонг? Ребята, вы меня слышите? — попытался докричаться до них Чан Мин. Тщетно. Они продолжали спать. Принца охватила паника. «Неужели я провалился в мир духов?!» — прострелила голову неожиданная догадка. Значит, они забрели в местность, где связь между их миром и миром духов истончается. О Долине Забвения, куда они скорее всего и зашли, в свитках из Восточного Храма Воздуха было сказано крайне мало. Лишь то, что наряду с самим Храмом, Оазисом Духов и другими местами, Долина Забвения является местом с тонкой гранью между мирами. Не такой как в Оазисе Духов или в Храме, но достаточной вот для таких провалов.

Не успел Чан окончательно осознать то, где он находится, как услышал утробное рычание. Осторожно повернув голову, он застыл. Перед ним, светясь голубым сиянием, сидел... тигр. Самый обыкновенный. Такой, какие описывались в древних легендах и сказках. Это был большой и здоровый зверь с золотого окраса шерстью по всему телу кроме груди, что была белого цвета.

Все спина была покрыта черными как тушь полосами, что гармонично сочетались с золотистой шерстью. Чану показалось, что тигр только что вышел из ванны, настолько он был чист на его взгляд. И лишь его пасть была обмазана кровью, словно могучий зверь показывал, что может случиться с незадачливым охотником, дерзнувшим погнаться за ним. «Этот тигр носит королевские цвета» — пришла к принцу неуместная в этот момент мысль. А глаза... только теперь Чан Мин понял, что у этого тигра те же золотые глаза, что были у загнанного ими сегодня зверя. Страх холодными щупальцами стал охватывать юного принца. С каждой секундой в нем крепла уверенность, что этот прекрасный зверь пришел за ним и его друзьями.

Но тигр просто сидел. Сидел и смотрел на него. В его золотых глазах, что буквально впились в Чана не было злобы, страха, ненависти, отчаяния, как и должно быть у зверя за которым гонялись весь день, а в том, что это тот самый тигр, только в обличье духа, Чан почему-то не сомневался. В этих глазах был лишь ленивый интерес к жалким наглецам, что решили помериться силами с ним, местным духом-хранителем.

Осознание этого пришло к Чану настолько неожиданно, что он не удержался и повернулся всем телом к тигру, продолжая крепко сжимать копьё. Тигр же, словно что-то для себя решив, встал со своего места и вальяжной походкой подошел к Чану. Теперь Чан полностью оценил его размеры. Огромный дух, голова которого была лишь немногим ниже головы высокого Чана. Огромная туша, размером с пять взрослых тренированных воинов. Тигр встал всего в одном шаге от него и посмотрел ему в глаза. В эту секунду голова у принца Чан Мина стала раскалываться от боли. Он схватился за голову, но что-то мешало ему отвести взгляд от смотрящего на него тигра. В конце концов принц не выдержал и упал в обморок.

— Эй! Мин! Мин, вставай, Кох тебя дери! — услышал Чан до боли знакомый голос. Голова дико раскалывалась, но мысли были ясны. Он быстро открыл глаза, проморгался от яркого света и, под насмешливыми взглядами других парней, медленно встал.

— Ты же никогда не засыпал на посту, что могло тебя свалить? Небось, винишка у молодой госпожи одолжил, а? — сострил сын местного кузнеца, Лю, с которым Чан сблизился больше всего.

— А с нами?! Мы же друзья, Мин!!! — в притворном негодовании воскликнул Пинг, сын заводчика лоседраконов.

— Не, Мин же у нас трезвенник, он даже дрянного винишка не пьет, не то что доброй рисовой водки! — сказал веселый Хуатонг, сын трактирщика и расхохотался. На самом деле местная рисовая водка была настолько паршивой, что Чан Мин просто не рисковал ее пить. Впрочем, сейчас это было неважным, потому что дух-хранитель в довольно грубой, но четкой форме высказал ему свое пожелание.

— Ребята, как вы относитесь к духам? — без прелюдий начал Чан. Собравшиеся переглянулись и теперь уже с сочувствием посмотрели на их однокашника.

— Мин, ты, видимо, пока засыпал, головою ударился, да? — участливо спросил Чит Сэнг, до этого тихо наблюдавший за ним.

— А что если я вам скажу, что все это время, мы, все вместе, гонялись за местным духом-хранителем? — проигнорировал замечание Сэнга Чан. Сэнг усмехнулся, но вот остальные сильно напряглись. Дело в том, что Сэнг, несмотря на то, что вырос в Хира'а, родился в городе и воспитание получил соответствующее. Остальные же были местными до мозга костей и с молоком матери впитали в себя истории о добрых и злых духах, духах-хранителях и прочих непонятных и пугающих сущностях. И то, как обходится разозлившийся дух с попавшимися ему в лапы, руки, щупальца, клешни неудачниками, знали очень даже хорошо.

— А... какой он, дух-хранитель? — с придыханием и долей страха спросил самый молодой среди них, четырнадцатилетний Ю Ли, сын местного жреца храма Агни.

— Это тигр, — устало выговорил Чан Мин, опираясь рукою о дерево.

— Обычный? — уточнил он.

— Да... обычный. Но такого красивого зверя я в жизни не видел. Золотая шерсть, черные как лучшая тушь полосы по всей спине, золотые глаза...

— Ага и смотрел он на тебя с влюбленными глазами и звал с собою в мир духов на праздник урожая, — рассмеялся Сэнг. Впрочем, заметив, что никто из собравшихся не смеется, он удивленно обвел их взглядом. — Вы что... верите ему? Да он напился и болтает чушь.

— Сэнг... поверь... это не чушь, — сказал Ю Ли. И хоть он был самым младшим среди них, но никто не прерывал его. Все понимали, что сейчас, в этом вопросе, нет более подкованного человека среди них, чем сын жреца. — мне становится страшно от осознания того, что могло с нами случиться, если бы мы хотя бы ранили телесное воплощение духа-хранителя наших гор. Не говоря о том, что... — Ю Ли замолчал, красноречиво обведя взглядом присутствующих. Теперь всех охватил самый настоящий ужас. — Что он потребовал от нас, Мин? — спросил Ю Ли Чана.

— Он попросил достать из пещеры, той куда мы хотели идти сегодня, его статую и перенести поближе к опушке. Она уже пару сотен лет скатилась туда, поэтому и люди забыли, что в этих горах есть хранитель, — рассказал Чан, тяжело дыша. Голова еще раскалывалась, из-за чего концентрация была напрочь потеряна.

— Еще что-то? — спросил Ю Ли, пока остальные мало-помалу стали приходить в себя.

— Да... еще он сказал, что если ему будут давать жертвы как раньше, хотя бы раз в три месяца, то он больше не будет утаскивать коровобегемотов и свиноовец, — сказал Чан и, придя в относительный порядок, стал собирать свои вещи. Остальные также стали собирать свои пожитки. Дальнейшие действия не очень хорошо сохранились в памяти Чан Мина. Вот они дошли до пещеры, где лежала статуя тигра. Вот они возвращаются в деревню, где Чан рассказывает старейшинам и городскому голове, который так же как и его сын, не верит, о случившемся. Вот старейшины, вопреки возражениям головы, решают отправить к пещере людей, дабы вынуть статую хранителя и установить ее поближе к Хира'а. Вот он приходит домой, обнимает мать и чувствует, как слабость накатывает на него все сильнее и сильнее, как он обмякает в ее руках и как падает в обморок.

Открывает он глаза лишь глубокой ночью, когда весь Хира'а уже спит. Рядом, в кресле, со спицами в руках, спит мама, сторожа его сон. Убивающей его головной боли, к счастью, больше не было, но было странное ощущение, что на него кто-то смотрит. Обернувшись и посмотрев в окно, он обомлел. На холме, недалеко от поместья, стоял дух-хранитель и смотрел прямо на него. Затем, видимо, заметив Чана, величественный зверь повернулся и пошагал в сторону. Проследив за ним взглядом, принц увидел большую каменную статую сидящего тигра, смотрящего прямо перед собой, на восток, туда, где рождается новый день, где рождается солнце.

Сам же дух-хранитель подошел к статуе, с интересом осмотрел постамент, изготовленный местными жителями, и повернулся в сторону смотрящего из окна Чана. Тигр-хранитель смотрел прямо на него несколько минут, во время которых Чан ни разу не моргнул. После чего, склонил голову в благодарственном поклоне и, повернувшись к статуе, вошел в нее.

Солнце поднималось на востоке. Из-за гор пробивались первые лучи рассвета, освещая еще спящий Хира'а и голову статуи духа-хранителя, что вернулась на свое законное место. А в одном из домов мать крепко обнимала своего сына, что проснулся после недели беспокойного сна.

<http://tl.rulate.ru/book/50947/1280343>